

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ЭКОНОМИКЕ

25 февраля 2016 г. | Москва

Выступление

Сергея Романчука

Романчук Сергей. Спасибо. Сергей Романчук, руководитель операций на финансовом рынке Металлинвестбанка, президент ACI Russia — это ассоциация профессиональных трейдеров на валютном рынке. Я работаю в банке уже 20 лет, иногда — в отличие от Андрея, очень редко — пишу для «Ведомостей», Forbes и «РБК».

Мовчан. Все-таки мы определили катастрофу как нечто такое, что еще хуже, чем сейчас, иначе о чем тут говорить. Сергей?

Романчук. Да, от общего к частному. Я хотел, может быть, из-за того, что Андрей просил обозначить точки риска, все-таки есть, на мой взгляд, если комментировать последние события, которые происходят в регулировании банковской сферы, есть одна точка риска, из которой, на мой взгляд, может получиться какая-то плохая история. И если мы посмотрим на то, как взорвались рынки в 2014 году, конечно, в первую очередь это выразилось в девальвации рубля. То есть все эти метания относительно режимов валютного курса происходили на фоне того, что ЦБ упорно не замечал падения денежной и валютной ликвидности у банков. Падение ликвидности, которое выражалось в том, что клиенты, которым нужно было возвращать внешний долг, соответственно, его не могли перезанять ни снаружи, ни внутри у банков. И, собственно говоря, внутренние ставки по долларам очень сильно выросли, а потом это вывернулось в том, что компании, вместо того чтобы занять, они пошли покупать валюту на валютный рынок. И, понятное дело, кроме падения цен на нефть, которые уменьшали продажу на экспорт в будущем, у нас сработал вот этот риск уменьшения валютной ликвидности. ЦБ опомнился, ввел инструменты рефинансирования в валюте и вроде бы погасил ситуацию — и показал, что с этой стороны уже ничего не предвещает проблем.

Но что мы видим сейчас? Объявлена концепция дедолларизации банковских балансов — при всем том, что, на самом деле, такой проблемы не видно, потому что, собственно говоря, в номинальном выражении по валюте у нас нет какого-то значительного роста в банковских балансах, а растет пропорция исключительно из-за переоценки курса. И вот в этой связи такой ответ ЦБ, а именно изменение требований по коэффициентам риска по валютным кредитам, соответственно, по депозитам норма резервирования, и это может привести к тому же эффекту, к которому привели внешние санкции. Которые, по сути дела, закрыли российский рынок от того, что можно было привлечь и пролонгировать валютную ликвидность. И несмотря на то что в этом году вроде бы такой проблемы на горизонте не было, то есть обязательств по выплате внешнего долга гораздо меньше, но нужно понимать, что и торговое сальдо будет меньше. И не понятно, насколько сильно это будет имплементировано, но очевидным эффектом от этого будет понижение внутри валютных ставок и выталкивание депозитов клиентов из российских банков, в которых, собственно говоря, ставки по валюте и так не велики, в банкноты. И, соответственно, размещение напрямую за рубежом. Таким образом, объединенная валютная ликвидность у банковской системы сможет не суметь удовлетворить интересы клиентов, и мы тогда приходим к такой ситуации, что ЦБ будет единственным таким кредитором валюты. Насколько это хорошо? На мой взгляд, это не очень хорошо. Причем, по сути дела, выражается численно это в том, что ЦБ при любом существенном движении курса сталкивается со стенами банковского сообщества. А именно: что нормативы мы не можем исполнить, потому что капитал у нас рублевый, а, соответственно, кредиты валютные переоцениваются по новому курсу, и получается так, что у нас капитала на них не хватает.

Вот, как мне кажется, один из моментов, как можно было бы ситуацию вылечить — это все-таки разрешить банкам открытую валютную позицию более 10% от капитала, хотя бы на уровне 30–50%, чтобы, например, хеджировать свой капитал так, чтобы он выглядел валютным. Мне кажется, что риски решений каких-то внутри все равно есть, несмотря на то что опыт ЦБ приобретен, но все равно мы периодически спотыкаемся о какие-то споры, в том числе и концептуальные споры. Например, о том, ограничивать или нельзя волатильность на валютном рынке, то есть хорошо это или нет? Вот мы сегодня

увидели то, что Минфин озаботился этим. То есть, может быть, стоит при определенных значениях нефти продавать или покупать валюту за рубли. В принципе, если не * золотовалютных резервов, тогда те бюджетные траты, которые из резервных фондов сейчас идут, по идее, они должны были сопровождаться продажами валюты, которая была куплена ранее, тем самым волатильность на валютном рынке все-таки была бы поменьше. Но на фоне того, что риски асимметричные, все понимают, что если рубль будет укрепляться, тогда, скорее всего, ЦБ будет покупать. Ну, мне кажется, что окончательно стабилизация валютного рынка, может быть, и не наступила — и при внешнем факторе даже краткосрочного падения цен на нефть все-таки нас может ожидать очередной взрыв. Хотя, на мой взгляд, прямо в ближайшее время это не есть наиболее вероятный сценарий.

Романчук. Увеличенная открытая позиция, на самом деле, призвана просто балансировать. Ну ведь речь не идет о том, что нужно купить больше, а нужно купить валюты ровно столько, чтобы при движении валютного курса у вас соотношение между активами и капиталом, в принципе, сохранялось. Мне кажется, что дополнительных рисков это не принесет, то есть у вас не будет потребности продавать, покупать валюту дополнительно как-то. Ну то есть дополнительно impact на рынок я от этого не вижу все-таки.

Орлова. Слушайте, у нас последние 15 лет все кричали о том, что нам нужно 300 банков. А когда ЦБ в конце концов начал отзывать лицензии, начал сокращать число банков — это не является катастрофой, а это является реализацией того, что нужно было сделать 15 лет назад.

Романчук. Но все-таки катастрофой является накопление плохих активов. И оно происходит, на самом деле, в тех банках, у которых лицензии не отзываются.

Орлова. Это абсолютно верно, и это ровно то, что я сказала, но это не связано с тем, что банки сами генерируют плохие кредиты, а это связано с состоянием экономики.

Романчук. Конечно, хотя, как мы знаем по конкретным кейсам, это связано с деятельностью некоторых банков. Причем, казалось бы, чьи деньги они украли?

Орлова. Нет, но концепция того, что ЦБ может совершить ошибку, и это тоже системная ошибка, ведь посмотрите на то, что сейчас происходит? Сейчас Минфин начинает вторгаться в полномочия ЦБ, и это уже возникает некий хаос, потому что игроки рынка, да и не только рынка, а экономики, они не понимают, кто вообще отвечает за валютный курс? Но это тоже не вопрос банковского сектора, а это вопрос ошибки на уровне, я не знаю, правительства институционального уровня. Но это, как мне кажется, не совсем проблема банков.

Муж3. *** чуть-чуть более 50% в начале 2014 года остатки на корпоративных счетах? Я понимаю, что происходит централизация платежных систем внутри банка, но тем не менее более 80%. Я неделю назад считал этот индикатор, и там было 89%. 89%! Это уровень концентрации, который заранее делает неустойчивым финансовый сектор.

Романчук. Можно сказать? На самом деле, остатки на счетах не являются каким-то особенным показателем, потому что банки умеют очень хорошо регулировать мгновенную ликвидность. Вы знаете, я вот еще один момент хотел сказать, пока мы не ушли с банковской темы, и я хотел сказать по поводу рисков. Вот Центральный банк принимает сейчас — он обсуждает это с участниками рынка — программу развития финансового рынка на ближайшие три года. И я не вижу, чтобы это как-то серьезно обсуждалось, можно сказать, что темы нет в публичном пространстве. В то же время ЦБ видит ее как очень серьезную тему. И мне кажется, что тут стоит обратить внимание на один момент, кстати, это прозвучало и в послании президента, поэтому, скорее всего, это будет сделано и окажет в том числе влияние на банковскую индустрию. ЦБ видит развитие финансового рынка как развитие небанковского финансового рынка таким образом, чтобы инвесторы, вкладчики напрямую покупали те самые облигации, которые компании должны выпускать, эти внутренние облигации, безусловно, называя этот процесс бондизации рынка. Для того чтобы это произошло, необходимо уравнивать, по сути

дела, с точки зрения безопасности и налогового режима инвестиций банковские депозиты и вложения в облигации. И вот как это будет сделано, то есть будут ли бонды так же, как депозиты, или будут сняты те льготы, которые есть у депозитов из-за работы АСВ и, соответственно, отсутствия налога подоходного по процентам на депозит, конечно, это нужно будет все посмотреть. Но, в общем-то, концепция такова, что банки исключаются из этого уравнения. И, собственно говоря, денежные средства должны инвестироваться и приходить к получателям минуя банки. В этом смысле, на самом деле, тут есть определенный риск сокращения пассивной части нормальных пассивов в банках населения и корпораций, которые ЦБ хочет стимулировать к тому, чтобы они напрямую покупали бонды. Нет, конечно, это закладывает очередную, кстати говоря, мину под всю эту систему. И как это будет сделано, конечно, пока до конца не ясно, но с налогообложением тут точно будут какие-то изменения.

***.

Ну, в общем-то, да, то есть, на самом деле, будет перекладывание этих кредитных рисков напрямую на население.

Мовчан. Но это еще большой вопрос, где риски больше?

Романчук. То есть можно как раз, банковская система видится как рискованная.

Мовчан. Я просто тут бы хотел добавить еще два момента, которые я знаю по своей практике из того, что происходит в банковской системе. Я бы это коллективно, вместе с какими-то вещами, о которых я не буду говорить, но вы о них знаете, назвал бы таким направленным развращением банковской системы, которая происходит. И одна из вещей — это кредитование под залог ценных бумаг Центральным банком, а это очень быстро превратилось в парный выпуск ценных бумаг с выкупом друг у друга и залогом в ЦБ, что, в сущности, является выемкой денег из ЦБ на необеспеченные нужды.

Романчук. Но больше этого не делают.